

Родом из Инстербурга

К 180-летию со дня рождения прозаика и драматурга Эрнста Вихерта

Один из самых известных уроженцев Инстербурга – судья и писатель **Эрнст Георг Вихерт** (Ernst Alexander August George Wichert; 11.03.1831, Инстербург, – 21.01.1902, Берлин). Дом, в котором он родился, как сообщает Вильгельм Обгартель в своей книге об улицах Инстербурга, находился на Реформирте-Кирхенштрассе (позже Кальвинштрассе, 24, ныне ул. Госпитальная, 4), это был дом для вдов реформатских священников, в нем размещалась реформатская школа, потом он принадлежал мастеру-столяру Грау. Старое здание снесли в 1896 г., на месте, построенном на том же месте, к 100-летию со дня рождения писателя предполагалось поместить памятную доску. В вестибюле Новой ратуши (здание городской библиотеки, ул. Калинина) была установлена мемориальная доска, вырезанная из дуба, с надписью «Эрнст Вихерт, род. 11 мар-

та 1831» и бронзовым барельефом поэта. В его честь была названа одна из улиц города (Вихертштрассе, теперь ул. Советская).

Детские годы Вихерта прошли в Инстербурге, в Пиллау он посещал реальную школу, в Кенигсберге Кнайпхофскую гимназию, изучал право в Альбертине. Потом последовали годы службы в Мемеле и Прекулсе. По возвращении в Кенигсберг он назначается городским судьей, затем старшим советником земельного суда, получает почетную докторскую степень. Вихерт, вместе с Феликсом Даном, преподававшим в Альбертине, оказывается в центре литературной жизни Кенигсберга, которая после его отъезда становится гораздо менее оживленной. В 1888 г. Вихерт получил должность советника апелляционного суда в Берлине и уже в чине тайного советника юстиции ушел на пенсию в 1896.

Поэт-юрист был соиздателем «Старопрусского ежемесячника» и одним из учредителей Немецкого товарищества драматургов и композиторов, основанного в 1871 г. в Лейпциге. Позднее переименованное в Общество немецких драматургов, ныне это старейшее в Германии межрегиональное авторское объединение называется Союзом драматургов. Эрнст Вихерт опубликовал 34 пьесы, 28 романов, а также 15, большей частью объемных, сборников новелл. За интерес к исторической тематике его называли «восточнопрусским Вальтером Скоттом».

В 1999 г. по его повести «Шактарп» (из цикла «Литовские истории») кинематографистами Литвы и Германии был снят фильм «Жизнь Эльзы» («Эльза из Гиллы»), получивший высокую оценку на фестивалях в Берлине, Анапе, Минске (2000), Харькове (2004).

По изданиям на русском и немецком языках и материалам Интернета подготовила Галина КАШТАНОВА-ЕРОФЕЕВА.

Здесь стоял дом, где родился Эрнст Вихерт. Фото Г.Каштановой-Ерофеевой.

Эрнст ВИХЕРТ

Из моего раннего детства

Отрывок из 1-й главы автобиографической книги «Поэт и судья»

Родился я в симпатичном прусско-литовском городке Инстербурге 11 марта 1831 г. Дом, в котором стояла моя колыбель, недавно сгорел. Долго я не знал, что это вообще кому-то известно. Но, когда я праздновал свое шестидесятилетие, сюрпризом для меня стало письмо одной пожилой дамы, сообщившей мне, что ее родители жили некогда в том же самом доме, фотографию коего она тоже прислала. Так я узнал, как он выглядел. Каких-либо воспоминаний о месте моего рождения это не оживило, потому что моего отца, ассессора при земельном верховном суде, уже на третьем году моей жизни перевели советником городского суда в Кенигсберг.

Я был первым ребенком своих родителей и из шестерых единственным, кого моя мать, несмотря на тяжелую болезнь после моего рождения, кормила сама. Наверное, она потому так сильно и любила меня до конца своих дней, что из-за меня ей пришлось так много страдать.

Мои родители, через длительный срок после помолвки, сочетались браком по глубочайшей взаимной склонности и сохранили это чувство вопреки тяжелым домашним заботам, которых всегда было предостаточно, так как оба были совсем без средств, а скудного жалования часто не хватало для самых скромных потребностей. Мой отец, чьим именем был назван и

я, форменный сангвиник, по натуре преимущественно склонный к юмору, но порой впадавший в глубокое уныние из-за сложившихся в то время стесненных обстоятельств, часто носился с утопическими планами улучшить свое положение. Моя мать (она родилась в трудном 1807 г. и была крещена, видимо, в честь несчастной королевы Луизы), бесконечно добрая, наделенная жизнерадостным темпераментом, не склонявшаяся перед трудностями и быстро возвращавшая себе хорошее расположение духа, при этом очень неприязнительная, принимала его таким, каков он был, считалась с его настроением – веселостью либо погруженностью в размышления, умела самыми мягкими средствами сдерживать или ободрить и всегда поддерживала его в стремлении к фантастическим перспективам, даже если очень хорошо понимала, что они растут в тумане. Это была абсолютно светлая личность, которую позже не сломили и тяжелые физические страдания, испытываемые ею с 47 лет и послужившие причиной слишком раннего ее ухода.

Оба в молодости попробовали себя в поэзии. В письма, которыми они обменивались, часто были вложены стихи. Спустя годы отец их добросовестно собрал и бережно хранил; однако незадолго до своей смерти мать пожелала, чтобы эти папки положили вместе с ней в гроб. «Ни

для кого больше они ценности не имеют», – сказала она. Ее воля была исполнена. <...>

Мой дед с отцовской стороны (деда с материнской стороны давно не было в живых) был торговцем, а потом, когда потерял состояние вследствие нескольких несчастных случаев, служкой в старогородской церкви. Он действительно едва сводил концы с концами: мой отец рассказывал, что по вечерам на столе горела единственная саленная свеча, при которой он с братьями и сестрами делал домашние задания, его отец сидел со своими книгами, мать с шитьем, а служанка прядла. В те времена глаза у людей были лучше, чем сегодня.

Бабушки, урожденной Геммель, статной и педантично аккуратной женщины, я немного боялся из-за ее строгости. Думаю, она была совсем недовольна моим воспитанием и постоянно давала это понять моей слишком снисходительной матери. Как-то в день рождения я испортил с ней отношения. Я потребовал тогда, чтобы не приходили никакие «взрослые». Когда она, с подарком в руке, пришла меня поздравить, я уже на лестнице выбежал ей навстречу и, нарушив всякие приличия, крикнул ей, чтобы она там оставалась: сегодня приглашены только дети; и ей не нужно мне ничего дарить. Это ее очень обидело, и я все еще ощущаю ее укоризненный взгляд.

Ровесница области

К 65-летию Черняховской библиотеки

Наступивший 2011 год знаменателен для всех калининградцев – нашей области исполняется 65 лет. У черняховских библиотекарей – двойной юбилей. Наша библиотека – ровесница области. Чтобы воссоздать ее историю, я на протяжении нескольких лет встречалась со старейшими работниками, записывала их воспоминания, поднимала газетные архивы, изучала приказы и другие документы, связанные с библиотечной деятельностью в Черняховском районе.

Первый директор Черняховской городской библиотеки Антонина Михайловна Егорова вспоминает: «Приказ №20 о моем назначении был отдан начальником гражданского управления 5 июля 1946 года. Библиотеки еще, конечно, не было. Ее нужно было создавать, комплектовать. Правда, к тому времени уже

оборудование (библиотечный прилавок) и два стеллажа. Через некоторое время стал работать областной библиоколлектор. Я ездила туда на попутках за книгами. Несмотря на то что в библиотеке было мало книг, мы старались удовлетворить запросы всех читателей, для чего был заключен договор с библиотекой им. В.И. Ленина в Москве, нам стали присылать оттуда книги по МБА. В конце 1940-х – начале 1950-х годов остро стоял вопрос нехватки библиотечных кадров. При Черняховской городской библиотеке было организовано две группы курсов библиотечных работников для сельских библиотек. Девушки, окончившие курсы, работали заведующими сельскими филиалами».

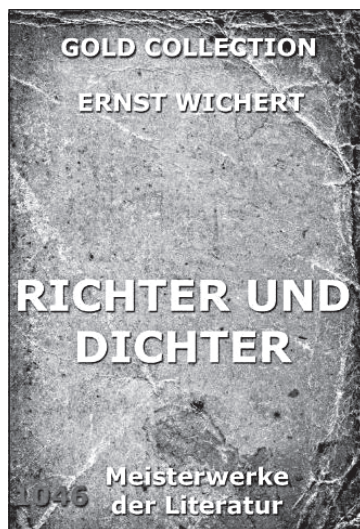
В 1948 году на должность библио-

стали приходить посылки с книгами, которые посылались из библиотек тех районов и областей, которые не были во время войны оккупированы немцами. Под библиотеку было выделено помещение во дворе здания горисполкома. Была сделана вывеска. Вначале функционировал только читальный зал, в котором мы начали подшивать газеты, раскладывать журналы. Для обработки книг требовалась таблица классификации. Я написала в библиотеку, где работала во время войны, и таблицу мне вскоре прислали. В одной из воинских частей было заказано

лиотекаря абонемента поступила Ольга Николаевна Дорошко. Она рассказывала, что библиотека в это время занимала две комнаты в здании Дома культуры железнодорожников. Помещение в то время не отапливалось, заморозили чернила, работали в верхней одежде. Несмотря на такие условия, читателей было много. Проводились читательские конференции, диспуты, обсуждения книг, встречи с калининградскими писателями.

Окончание на стр. 14

Другая бабушка, вдова рано умершего обер-бургомистра Маренского в Эльбинге, который при французах многое сделал для города, жила на небольшую пенсию и была очень добродушной, милой женщиной, которую я по достоинству оценил, когда она позже переехала в наш дом. Я оставался при ней в течение лета, которое моя болезненная мать тихо проводила в деревне, и должен был позволить обучать меня вязанию – наверно, потому, что иначе меня нечем было занять. Это стоило мне многих слез, так как я стыдился, что со мной обращаются «как с девочкой».

О более глубоких корнях моей семьи я знаю очень мало. Много историй рассказывалось о прадедушке по отцовской линии, который был почтенным ремесленником и звонарем. <...> Фамилия Маренский указывает на польское происхождение; вероятно, семья происходила из Торна, как и семья бабушки (Дамус). Однако имя могло быть полонизировано, как это часто случа-

лось в польской Пруссии. Вихерты (также Вайхардты, Вайгерты, Вихарты; *Wichert* означает «мягкое сердце») происходят из прусского городка Мюльхаузена, который в XIV в., если я не ошибаюсь, был основан тюрингцами. Это имя еще должно встречаться в тамошнем Мюльхаузене. Ученый кузен, более меня интересующийся этими вещами, потратил немало сил на то, чтобы по церковным книгам и другим документам восстановить ряд имен, который ведет довольно далеко назад, но, по моему разумению, не содержит ни одной индивидуально значительной личности.

Для меня, юриста, могло бы иметь, вероятно, значение то, что родоначальник Ганс Вайхардт примерно в конце XVI в. был судьей в Никлаукене, деревне около Мюльхаузена, а его сын Каспар солодовником в Мюльхаузене (ум. в 1682)... У сына последнего, Мартина, также солодовника, было несколько сыновей. Один из них, Иоганн, крещенный в 1693 г., перебрался в Кенигсберг и был там пекарем на главных ролях. От него я веду свое происхождение. Другой сын, по имени Михаэль, городской писарь, почтовый управляющий и королевский сборщик акцизов в Мюльхаузене, является родоначальником линии, получившей в 1804 г. дворянский титул. Мой отец, впрочем, хотел подняться гораздо выше. Он иногда шутил, что наш предок не ниже, чем первый, стоявший на стенах Иерусалима. Рыцарь, о котором свидетельствует этот подвиг в первом крестовом походе, звался именно Вихартом.

Перевод с немецкого Любови КЛИМОВОЙ, Музей истории (Черняховск).